

УДК 297

НАЗИДАТЕЛЬНЫЕ СОЧИНЕНИЯ АЛ-ГАЗАЛИ. II. ЧЕТЫРЕ ПИСЬМА ИМАМА

А.А. Хисматулин

Аннотация

В статье отражены результаты новейших исследований средневековых персоязычных сочинений, написанных в форме посланий имамом Мухаммадом ал-Газали (ум. 505/1111) в жанре назидательной литературы. Статья состоит из двух частей. Во второй части публикуется перевод первых четырёх писем ал-Газали из его эпистолярного сборника (вместе с комментарием средневекового составителя этого сборника), которые имеют непосредственное отношение к появлению текста *Насихат ал-мулук*, а также дают общее представление об историческом контексте. Публикация названных писем предоставляет дополнительные аргументы (исторические, стилистические) против версии о двухчастной структуре *Насихат ал-мулук*.

Ключевые слова: *Насихат ал-мулук*, *Сийар ал-мулук*, *Сийасат-нама*, ал-Газали, Низам ал-мулук, Санджар, исмаилиты, Салджукиды.

В настоящей статье представлен полный русский перевод первой главы из сборника писем имама ал-Газали под названием *Фаза 'ил ал-анам мин раса 'ил Худжжат ал-ислам* («Достоинства людей в посланиях Довода ислама») (ФА, s. 3–23). Сборник был составлен кем-то из потомков ал-Газали, а подготовлен к публикации и издан 'Аббасом Икбалом Ашти'яни (1896–1956). С учётом иных списков в основу издания он положил рукопись, переписанную в Ширазе в 816/1413 г. и хранящуюся в библиотеке Аяа Софийа (Стамбул) под шифром 4792. В своём предисловии издатель предположил, что сборник был составлен не так уж много времени спустя после кончины ал-Газали [1, s. 3]. Однако, судя по короткой цитате из известной до сих пор касиды *ал-Ламиййа* средневекового арабского факиха и лексиколога, а также географа и историка 'Умара б. Музаффары б. ал-Варди, или просто Ибн ал-Варди (ум. 1349), приведённой составителем сборника в своём комментарии (см. ниже), это произошло, по-видимому, более чем через два века после смерти имама.

Поскольку сборник (*джам'*) был составлен после кончины ал-Газали, то составителю пришлось сделать своё собственное предисловие, которое он, уже располагая собранным материалом, написал не после завершения сборника, как иной раз поступали средневековые авторы, а до того. Хутбу предисловия он оформил в виде рифмованной прозы, после чего ответил на традиционные вопросы средневекового предисловия (почему, кто, что и как), правда, не указав своего имени. Вот что он сам говорит, раскрывая мотивы, побудившие его взяться за компиляцию сборника:

«Путники на пути, искатели исцеления, больные и нуждающиеся, прилагая много усилий, всегда доходили до крайности при поиске писем и заветов ал-Газали, чтобы сделать их примером для подражания, следовать им, обрести благодаря им вечное счастье, избавиться от страстей своего “я” (*нафс*) и сделать их лечебной сурьмой для внешнего зрения и светом для внутреннего видения.

Его послания были рассредоточены и разрозненны. Удовлетворяя потребность и обеспечивая важное дело для путников на пути, воздавая по праву религиозному братству, ища благословения и видя доброе предзнаменование в словах Садр-и шахида [= ал-Газали], а также держась за узы кровной близости и родства, мы собрали на этих листах то, что нашли из его писем, назвав эту книгу “Достоинства людей в посланиях Довода ислама”» (FA, s. 1–2).

Далее составитель распределил собранные письма по пяти главам (*баб*), приведя свой комментарий там, где исторический контекст был ему известен. Представленные в этих главах письма отличаются как по объёму (от коротких записок до довольно пространственных посланий, написанных в научно-эпистолярном жанре), так и по адресатам. Второй критерий был положен составителем в основу группировки и распределения писем по главам в таком виде:

а) глава первая – о письмах, которые автор написал маликам и султанам (4 послания);

б) глава вторая – о письмах, которые он написал вазирам (12 посланий);

в) глава третья – о письмах, которые он написал амирам и государственным деятелям (5 посланий, одно из которых написано полностью по-арабски);

г) глава четвёртая – о письмах, которые он написал факихам и имамам (8 посланий);

д) глава пятая – о суждениях и наставлениях, которые он высказал и написал в разное время (6 кратких суждений).

Первая глава содержит обширный комментарий средневекового составителя и включает в себя четыре письма, которые касаются, по сути, одного события из жизни имама – визита в ставку малика Санджара. Они напрямую связаны с появлением трактата *Насихат ал-мулук*. Как уже говорилось в первой части статьи, из этих четырёх писем лишь первое и последнее являются тем, что на сегодня принято считать письмами. Второе письмо – это запись выступления имама на приёме у Санджара, сделанная им собственноручно по просьбе последнего. А третье письмо – фактически приписка (или сопроводительная записка), изначально прилагавшаяся к *Насихат*, но **никогда и ни на одном языке (!)** не публиковавшаяся вместе с ним. В противном случае многие вопросы, поднимавшиеся исследователями в связи с *Насихат*, уже давно были бы сняты.

Поэтому основная задача публикации этих писем вместе с комментарием составителя заключается в том, чтобы наглядно показать: а) исторический контекст, предшествовавший появлению *Насихат ал-мулук*; б) принадлежность этого текста к корреспонденции имама; в) стиль ал-Газали в научно-эпистолярном жанре, который по логике и манере аргументации практически ничем не отличается от стиля, свойственного его аутентичным научным работам, где именно читатель с его способностью понять адресуемый ему материал является главным критерием простоты или сложности авторского изложения.

В тексте перевода все арабские изречения, стихи и коранические цитаты выделены курсивом.

Глава первая

О письмах, которые он написал маликам и султанам

[Комментарий составителя]

Когда Садр-и шахид, Довод ислама, да почитит его Аллах Своим довольством, в молодости и в начале карьеры прибыл студентом в Нишабур, то сделал из своего конспекта по основам фикха краткое извлечение, упорядочил его и назвал *ал-Манхул мин та'лик ал-усул*, собрав в конце этой книги приблизительно на двух листах недостатки (مثالب) мазхаба Абу Ханифы, милость Аллаха ему, из книг по ритуальному очищению, намазу, присвоению, воровству и прочему – собрав то, что было непристойно (شنيع) в его мазхабе. Когда это увидели некоторые из сторонников собственного мнения¹, то они покрылись потом от зависти и фанатизма. К тому же к ним присоединились некоторые из сподвижников Шафи'и и сподвижников Малика, да смилуется над обоими Аллах, обрушив на него шквал брани².

Затем они отправились к Султану ислама и известили о том, что, пороча и хая имама Абу Ханифу, Довод ислама собрал недостатки его [мазхаба]; что он не только абсолютно лишён убеждений в исламе, но и придерживается убеждений философов и вероотступников; что все его книги пронизаны их изречениями, а неверие и ложные убеждения перемешаны в них с тайнами Закона Божьего; что Бога он называет Истинным светом, а это мазхаб огнепоклонников³, которые говорят о Свете и Мраке. Они изменили и заменили несколько фраз в книге *Мишкат ал-анвар* и представили её Султану ислама. Они науськали одного магрибинца⁴, сказав тому, что Довод ислама, опорочив Малика [б. Анаса] и судью Абу Бакра Бакиллани⁵, пресёк заблуждения судьи Абу Бакра. Из-за чего тот начал говорить про него [про ал-Газали] всякие непристойности и распространять среди государственных деятелей порочные измышления и представления:

¹ *Асхаб ал-ра'и* (араб. «сторонники собственного мнения») – сторонники принятия решения на основании своего мнения в случаях, если по каким-либо вопросам не имеется однозначного решения в Коране и сунне. Здесь имеются в виду представители сирийско-иракской школы правоведения, где эта методология была принята и разработана в полной мере. Сфера её применения различается как у шиитов, так и у ханафитов, шафиитов, ханбалитов и маликитов, что приводит к некоторым разногласиям в этих мазхабах.

² Таким образом, собиратель писем прямо говорит, что против ал-Газали ополчились как приверженцы сирийско-иракской школы мусульманского правоведения, основателем которой считается Абу Ханифа, так и приверженцы хадисов (*асхаб ал-хадис*) хиджаской школы правоведения, к которой принадлежали Малик б. Анас и Мухаммад б. Идрис ал-Шафи'и – основатели-эпонимы маликитского и шафиитского мазхабов. Ал-Газали формально принадлежал к последнему, однако ниже он сам высказывается о своих предпочтениях.

³ *Маджус* – арабизированное от персидского *маг* (mag), то есть огнепоклонник и волхв.

⁴ В оригинале *يکى را از مغاربه*, что в первоначальной версии могло выглядеть и пониматься в виде *مغربي را*, то есть *Магриби*. Этот человек был, определённо, вхож в самое ближайшее окружение Санджара и/или сам мог быть чиновником высокого ранга, раз оппоненты ал-Газали сделали ставку именно на него. Возможно, что речь идёт о той же самой нисбе *Му'иззи* (معزى), искажённой в предисловии к *Сийасат-нама/Сийар ал-мулук* (سياستنامه/سیر الملوك) и превратившейся в *Магриби* [2]. Если же всё-таки это другое лицо, то здесь под «магрибинцем» (букв. «западником») следует понимать не уроженца Магриба, а выходца из западных областей Ирана со столицей в Исфахане.

⁵ Малик б. Анас (ум. 795) – факих и основатель-эпоним маликитского мазхаба; учитель Мухаммада б. Идриса ал-Шафи'и. Абу Бакр ал-Бакиллани, Мухаммад б. ал-Таййиб (ум. 1013) – судья (кади) Багдада и видный представитель ашаритской школы калама.

кто услышит, тот вообразит⁶. Поэтому Малик ислама, рассердившись, вознамерился затем его огорчить. Находясь в таком состоянии, он отправил кого-то к Доводу ислама и пригласил его к себе. Довод ислама, отказавшись прийти, написал ему письмо с извинениями и отправил. Вот оно:

Фасл [Письмо 1]

Да сподобит Всевышний Поклоняемый Малика ислама воспользоваться царством в этом мире, а затем в грядущем мире дарует ему такое царство, по сравнению с которым царство на земле окажется презренным и ограниченным! Ибо царское дело имеет конец: ведь царство на земле не более чем от востока до запада, а человеческая жизнь в этом мире зачастую не более ста лет. Всё на земле – лишь комок земли относительно Царства, которое дарует Всевышний Поклоняемый в грядущем мире. А все земные области суть пыль и прах от этого комка. Сколько стоит комок и пыль комка? И насколько соизмеримы сто лет жизни с Извечностью, Вечностью и Вечным царством, что им надо радоваться?

Рвись в высь, так как высока судьба, высока удача и высоко твоё происхождение. И не довольствуйся у Всевышнего Господа меньшим, чем Вечное царствование. Это всем мирянам тяжело, а Владыке Востока⁷ легко. Ведь Посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, говорит: «Один день справедливости от справедливого султана достойнее поклонения в течение шестидесяти лет»⁸. Поскольку Пречистый и Всевышний Поклоняемый дал тебе такое снаряжение и орудие, что ты можешь за день выполнить то, что другой может сделать за шестьдесят лет, то какая судьба и какая удача превзойдут это?

Состояние этого мира считай таким, какое оно есть, чтобы стал он в твоих глазах ограниченным. Ведь великие люди говорили так: «Если бы этот мир был золотым кувшином, который избывен, а грядущий мир – глиняным кувшином, который неизбывен, то разумный человек предпочёл бы вечный глиняный кувшин тленному золотому кувшину. А что уж говорить, когда этот мир сам является тленным глиняным кувшином, а грядущий мир – вечным золотым кувшином! Как может быть разумным тот, кто выберет этот мир?»⁹ Он [= разумный], хорошенько обдумав этот пример, будет постоянно удерживать его перед глазами. Ведь сегодня дошло до того, что справедливость одного часа равняется столетнему поклонению!

⁶ Цитата из упомянутой касиды ал-Ламийа (للميئة) Ибн ал-Варди: «Где ‘Адиты, где фараоны и те, кто воздвиг пирамиды? Кто услышит, тот вообразит [как будто они ещё живы]» (أين عادٌ أين فرعونٌ ومن رفع) (الأهرام من يسمع يخل). Контекст касиды явно отсылает к делам давно минувших дней и тем самым указывает на дату составления сборника писем.

⁷ «Малик-и машрик» («Владыка Востока») – почётный титул Санджара с 490/1097 по 511/1118 г. После смерти в 511/1118 г. его единоутробного брата Гийас ал-дина Мухаммада б. Малик-шаха и перехода всего государства в полное подчинение Санджару его титул сменился на титул «султан Му’изз ал-дин» (прим. ‘Аббаса Икбала).

⁸ Хадис дан в переводе. Он цитировался в десятой основе второго *рукна Kimiya-yi Sa’adat* (KS, jild 1, s. 527), во второй книге («Книга этикета брака») второго *руб’а Ihya’ ‘ulum al-din* (IU, rub’ 2, s. 25) и в первой части *Nasihah* (NM, s. 15).

⁹ Здесь высказывание слегка изменено; по *Kimiya* (KS, jild 2, s. 140) и *Ihya’* (IU, rub’ 3, s. 180), это слова ал-Фудайла б. ‘Ийаза: «Если бы этот мир был из тленного золота, а грядущий мир из вечной глины, то мы должны были бы предпочесть вечную глину тленному золоту. Тогда каким образом мы предпочитаем тленную глину вечному золоту?»

Смилостивься над людьми Туса! Они уже пережили много притеснений. Зерно от холода и безводья испортилось, вековые деревья иссохли на корню, а у любого жителя деревни не осталось ничего, разве что одна овчинка да горстка голодных и нагих чад. И если он согласится, чтобы у него со спины содрали овчинку, дабы зимой нагим забираться в печь (*танур*) [на ночь] вместе с детьми¹⁰, то ты не давай согласия обдирать их. А если у них ещё что-нибудь потребуют, то все разом сбегут и сгинут в горах. Таким будет обдирание.

Сей взывающий (*این داعی*), несмотря на то, что прожил пятьдесят три года¹¹, сорок лет нырял в море религиозных наук, пока не добрался до такого места, где его речи вышли за меру понимания большинства современников. Двадцать лет он прожил в дни Султана-шахида [Малик-шаха (ум. 485/1092)], будучи принимаем им в Исфахане и Багдаде и не раз бывая посланцем по великим делам между Султаном и Повелителем верующих [багдадским халифом]. Он написал около семидесяти [= много] книг по религиозным наукам. Затем, увидев мир таким, каковым тот является, он полностью отбросил его. На время он осел в Байт ал-мукаддасе [= Иерусалиме] и Макке, а у машхада Ибрахима-Халила, да пребудут над ним благословения Аллаха, обетовался не ходить более ни к одному султану, не брать имущество султана, не участвовать в диспутах и не проявлять фанатизм. Двенадцать лет он был верен этому обету. Повелитель верующих и все султаны его извинили.

Сейчас я услышал, что от Высокого маджлиса вышло указание прибыть. Ради этого приказа я пришёл к машхаду имама Ризы и, держа обет Халилу, мир ему, не пришёл в ставку. У сего машхада я говорю: «О дитя Посланника! Будь ходатаем, чтобы Всевышний Поклоняемый провёл Малика ислама через степень его отцов в царствии этого мира, а в царствии мира грядущего довёл до степени Сулаймана, мир ему, который был и правителем и пророком. Помоги ему сохранить почтение к обету Ибрахиму-Халилу, мир ему, и не огорчить сердце того, кто отвернулся от людей и обратился, да возвеличит Всевышний Господь его дело, к тебе».

Я так посчитал, что это для Высокого маджлиса более достойно и более приемлемо, нежели явиться собственной персоной. Ведь официальное действие бесполезно, а так это действие, обращённое к Истинному Всевышнему. В случае если оно достойно, то добро пожаловать [сюда]. Если же последует какой-то приказ вопреки ему, то я, по необходимости, повинуюсь такому приказу, не беря на себя ответственность за нарушение обета, ибо приказ султана в силу вынужденности бывает обязательным [к исполнению].

¹⁰ В V/XI – VII/XIII вв. хурасанские нищие, особенно бездомные, были вынуждены использовать гончарные тануры, чтобы спать внутри них холодными ночами. Такие тануры были крупнее домашних, являлись собственностью общины и располагались на окраинах селений. Использование гончарных тануров в качестве ночлежки для бездомных как социальное явление, похоже, исчезает из персидской культуры и литературы после Монгольского нашествия, по-видимому, в связи с большими разрушениями, уменьшением количества населения и утратой экономической необходимости в общинных гончарных танурах. В Диване (168, байт 42) Насира б. Хусрау (ум. 1088) есть такой байт: *به که با جاهل خسیس اندر خیام – در تنوری خفته با عقل شریف* (D). Фарид ал-дин 'Аттар Нишапури (ум. 1229) также описывает эту ситуацию в *Асрар-наме* (19-я макала): *شهی را دید می شد در سموری – خفت آن گدایی در تنوری شبی* (D). В городских условиях функции танура выполняли топки и печи в общественных банях, куда приходили ночевать нищие и бомжи – *тунийан* (*تونیان*), букв. «печные» (от *тун* (*تون*) «печь»).

¹¹ Иными словами, ал-Газали написал это письмо около 503 г. х. (прим. 'Аббаса Икбала), то есть в возрасте 53 лунных лет, приблизительно за полтора года до своей смерти.

Да сподобит Всевышний Поклоняемый произнести дорогие уста и сердце то, от чего завтра, в День воскресения, не будет стыдно и от чего сегодня в исламе не будет слабости и раскола. С миром!

Фасл

[Комментарий составителя]

Когда это письмо представили Малику ислама, его мнение изменилось по сравнению с тем, что было. Он сказал: «Нам необходимо его увидеть. Раз он находится в Священном Машхаде имама Ризы, мир его жителям, а ставка располагается в Туруге, то расстояние это близкое, и прийти сюда легко¹². Он должен в любом случае явиться, чтобы я его увидел, узнал чистоту его убеждений, приструнил и дал отпор его завистникам и непримиримым оппонентам».

На тот момент в ставке уже собралась группа из непримиримых оппонентов, принадлежавших к числу выдающихся имамов. Они сказали: «Надо обязать его явиться, чтобы мы, вступив с ним в диспут, послушали его высказывания и чтобы он справился со своими высказываниями. И конечно, не следует допускать, чтобы он предстал перед Султаном. Ведь он тотчас пленит Султана своим видом, познаниями и речами».

В такой ситуации возникла группа имамов из Туса. Отправившись в ставку, они устроили собрание, куда обязали прийти непримиримых оппонентов Довода ислама. Имамы из Туса сказали: «Мы его ученики. Если у кого-то возникли какие-то сомнения или есть какие-то проблемы по поводу его высказываний, то нужно устроить встречу, чтобы их разрешить. Тогда если мы окажемся не в состоянии, то напишем ему письмо с просьбой объяснить и разъяснить их, чтобы те проблемы были сняты. Не в вашей компетенции и вам не по чину просить его о диспуте. Ведь вы не сможете противостоять даже его ученикам».

Те опешили, услышав такие речи, и вновь обратились к Султану: «Он человек чести. И его честь проявится, когда он вступит с нами в диспут». Султан ислама сказал Му'ин ал-мулку¹³, милость Аллаха ему: «Его необходимо обязать предстать перед троном, а мы послушаем, что он скажет. Затем, если возникнет необходимость в диспуте, мы повелим ему принять в нём участие и со всеми почестями отправим восвояси».

После Му'ин ал-мулк отправил кого-то в Машхад со словами: «Тебе необходимо явиться». В силу приказа он отправился в ставку и остановился в доме Му'ин ал-мулка, пока тот не отвёл его к Султану. Едва увидев его, Султан встал, обнял и усадил его рядом с троном. Довод ислама, милость Аллаха ему, почувствовал волнение. Вместе с ним находился Ас'ад, чтец Корана. Он попросил того прочитать какой-нибудь аят из Корана. Чтец прочитал: «*Разве ж Аллах недостаточен для Своего раба?*» (Коран, 39: 36). «Так!», – сказал Довод ислама, и страх полностью покинул его. Он начал свою речь, высказав Султану такое суждение (*фасл*):

¹² Туруг (تورۇغ) и сейчас располагается недалеко от Машхада, на юге от города по дороге в Нишапур. Правда, написание и произношение его несколько изменились. Сейчас он именуется и пишется *Турук* (طرق) (прим. 'Аббаса Икбала).

¹³ Му'ин ал-мулк – Таж ал-Ма'али Абу-л-Касим Му'аййад ал-дин 'Али б. Са'ид 'Амиди Байхаки, заместитель Фахр ал-мулка, вазира Санджара; после убийства Фахр ал-мулка в 500 г. х. он сохранил свой пост заместителя уже при его сыне, Садр ал-дине Мухаммаде (прим. 'Аббаса Икбала).

**Фасл. Из его речи на приёме у Малика ислама
[Письмо 2]**

Во имя Аллаха, Всемилостивого, Милосердного!

Хвала Аллаху, Господу миров! Благословение и мир лучшему Его творению – Мухаммаду и всему его роду! *Грядущее – остерегающимся* (Коран, 7: 128; 28: 83), *а вражда – только притесняющим* (Коран, 2: 193)!

Да пребудет Малик ислама! Обычай мусульманских учёных, когда они прибывают к Маджлису Малика ислама, заключается в том, чтобы высказать суждение (*фасл*), состоящее из четырёх вещей: молитвы, восхваления, совета и устранения нужды.

Что касается молитвы (*ду‘а*), то, по моему мазхабу, предпочтительнее воздеть руки тёмной ночью в полном уединении и тайно задушевно молиться Истинному Всевышнему. Ведь всё, что происходит в открытую, смешано с двуличием. А в присутствии Истинного – Пречистого и Всевышнего – не принимается ничего из того, что является неискренним и двуличным.

Что касается восхваления (*сана*), то эта речь уже является коверканием (языка). Ведь солнцу нет совсем никакой потребности в том, чтобы на его высоту и сияние указывали пальцем: *Светило не нуждается в определении*. Когда красота достигает предела совершенства, спрос на лицетворца (*مشاطه*)¹⁴ терпит крушение, а рукам лицетворца нечем заняться. Цель восхваления – превознести дела. А как можно превознести хазрата¹⁵, которому всё, что в этом мире для кого-то является высотой, возвышением и подъёмом, – лишь халат, полученный от одного из слуг этого хазрата? Стало быть, остаётся только самое важное – совет и выражение нужды.

Что касается совета (*насихат*) правительству, пишущему рескрипты не иначе как от [имени] хазрата Мустафы, наидостойнейшие благословения и наисовершеннейшие приветствия ему, то ведь он сказал: *Я оставил вам двух наставников: молчаливого и вещающего. Молчаливый – смерть, вещающий – ал-Кур‘ан*¹⁶. Взгляни на то, что говорит сей молчаливый советник языком состояния. Молчаливая смерть говорит: «Каждое творение, знай, что я устроила на тебя засаду, раскрою свою засаду внезапно, не посылая загодя никакого посланца. Если ты желаешь увидеть показатели моих дел, творение рук моих и мои действия, то всем вам я уже сказала, что сделаю с каждым. Владыки должны взглянуть на ушедших владык и прошлых повелителей. Султан Малик-шах, Алп-Арслан и Тугрул из-под земли говорят языком состояния: “О Малик, о блеск очей, о дорогое дитя! Берегись и ещё раз берегись! Ведь если ты узнаешь, к чему мы пришли и каких ужасов насмотрелись, то ни одну ночь никогда не ляжешь спать сытым, покуда среди твоих подданных будет хоть один голодный. Ты не наденешь желанно никакие одежды, покуда среди подданных твоих будет хоть

¹⁴ Лицетворец – человек, прихорашивающий лицо клиента; цирюльник; косметолог; визажист.

¹⁵ Имеется в виду Санджар. Эквивалентом почётному титулу *хазрат* (в араб. букв. ‘присутствие’), который обычно употребляется без перевода в сочетании с именем собственным, если только не относится к Богу, в христианском контексте выступает определение *преподобный* (*его преподобие*).

¹⁶ Хадис цитируется в первой части *Kitāya* в восьмой основе в таком виде: «Когда я покину вас, то оставлю вам двух наставников, которые постоянно будут советовать вам. Один из них – говорящий, второй – молчаливый. Говорящий наставник – Коран. Молчаливый наставник – смерть» (KS, jild 1, s. 242).

один нагой. И ты не устроишь ни одну сокровищницу кроме той, что представят тебе в День воскресения, ведь совет Корана такой: *Тогда, кто сделал на вес пылинки добра, увидит его, и кто сделал на вес пылинки зла, увидит его* (Коран, 99: 7–8). Ты вновь увидишь все свои деяния пылинки к пылинке»).

А по преданию «день и ночь составляют двадцать четыре часа. Каждому рабу представят его поступки в виде двадцати четырёх сокровищниц. Какую-то он увидит исполненной сияния и света. Ею будет час его поклонения и повинования. Сердце его постигнет такая радость, по сравнению с которой рай окажется ограниченным. Она возникнет от довольства Истинного Всевышнего. Ему представят другую сокровищницу, пустую. Ею будет час беспечности, сна и занятости нуждами. Сердце его постигнет такая скорбь по упущенному и обида, которым несть предела: почему она не похожа на ту, другую? Ему представят ещё одну, исполненную мрака. Ею будет час греха. На сердце у него появится такой испуг и такой ужас, что он скажет: “Уж лучше бы меня никогда не сотворили!”».

О Малик, ты создал для этого мира многочисленную армию и сокровищницы. Создай [то же] и для грядущего мира! Создай [их] по цене статуса и продолжительности грядущего мира. Очевидно, сколько продлится этот мир: бывает, что осталось не более дня или вздоха. Продолжительности мира грядущего несть предела. Ведь если Семь небес и Семь твердей¹⁷ полностью засыпать просом и какой-нибудь повелеть птице склёвывать не более чем по зёрнышку каждую тысячу лет, то оно закончится, а от вечности не убудет ничего¹⁸. Сокровищницу надо устроить под стать продолжительности. Точно так же угощение на постое, где собираются осесть на ночь, меньше, нежели на постое, где ты осядешь надолго.

И знай, что нет ни единого раба, который не пройдёт через ад, начиная с часа и заканчивая семью тысячами лет для того, кого последним выведут из ада спустя семь тысяч лет пребывания там. И такое грядёт тому, кто довёл свою веру до здравия. А это нелегко. По преданию «древо веры поглощает воду от повинования, а его корни крепнут от справедливости и постоянства в поминании Истинного Всевышнего. Когда оно не получает такого ухода, то оказывается в смертельной агонии, потому что корней не имеет».

Прими от меня один завет: всегда удерживай под языком фразу *Нет бога, кроме Аллаха* так, чтобы никто не слышал. Проговаривай её, будь то на охоте, или на царском троне, или в уединении. Ни на час не освобождай себя от неё, так как ею крепчает вера. Ведь если ты избежишь мук грядущего мира, то вопросов в Воскрешение не избежишь: *Каждый из вас пастырь и с каждого из вас спросят за свою паству*. Если тебя признают по посту управления и скажут: «Рабов своих и говорящих *Нет бога, кроме Аллаха* Мы сделали твоей паствой и дали тебе владеть несколькими лошадьми. Ты всем сердцем привязался к своим верховым животным так, что везде, где была более зелёная лужайка, устроил им выпас, беспечно оставив наших рабов. Почему ты предпочёл своих верховых животных тем, кто дороги Нам? Мы же говорили, что уважение к верующему для нас больше, чем к Ка‘бе» – то как ответишь ты на эти вопросы?

¹⁷ Аллюзия на (Коран, 65: 12).

¹⁸ Этот пример с использованием образа курицы и проса приводится в четвертом ‘унване *Kitiya*, а также в десятой основе второго *rukna* (KS, jild 1, s. 115, 526).

У ‘Умара [б. ал-]Хаттаба, да будет доволен им Аллах, житие было таким, что когда у одного дарвиша тёмной ночью пропал верблюд, то он босиком пустился на его поиски, приговаривая: «Если шелудивый верблюд будет проходить по берегу Евфрата и ему не вотрут лекарство, то в День воскрешения с меня за это спросят»¹⁹. Один из сподвижников спустя двенадцать лет [после его смерти] увидел его во сне совершившим полное омоение и надевшим белые одежды, похожим на человека, покончившего с каким-то делом, и сказал: «О Повелитель верующих, как с тобой поступил Всевышний Господь?» Он сказал: «До сего момента меня рассчитывали»²⁰. А дело ‘Умара было бы исполнено опасности, если бы Господь не был щедр. Состояние справедливейших людей было таким. Сравни своё состояние с ним.

В общем долог путь совета для всех владык, а для Малика ислама он будет краток. Я положу пред тобой скрижаль, а ты взгляни на неё: держи перед собой житие твоего отца Малик-шаха. И если тебе скажут: «Твой отец с такого-то взял десять дирхамов, а ты возьми десять с половиной» – то ты скажи: «Почему я должен брать больше? Он боялся Истинного Всевышнего, а я не боюсь? Он был разумным, предпочитая доброе имя и довольство подданных, а я неразумен?» Если тебе скажут: «В твоей области есть один иудей, выдвори его из области», то ты скажи: «Где он был во времена моего отца?» Когда скажут: «В его области», ты скажи: «Почему я должен делать никчёмным принцип, установленный им?»

Знай, что всякий, кто делает никчёмным принцип и путь своего отца, является строптивцем. А строптивец не войдёт в рай, хотя запах рая слышен за пятьсот лет пути²¹. Каждый, кто будет призывать тебя к строптивности, – твой враг.

О Малик, возложи на себя благодарность за блага Истинного Всевышнего, которых четыре²²: правильные вера и убеждение, доброе лицо, добрый нрав и доброе деяние. Это одно [= последнее] – твой выбор, а те три – подарок Истинного Всевышнего. Всех тех троих Он не пожалел для тебя. Ты тоже от себя не пожалей это четвёртое, иначе те трое обернутся для тебя ущербом, а ты окажешься неблагодарным.

О новые повелители державы, стоящие здесь! Если вы хотите устойчивую и благодатную державу, то вам надо отличать её от [состояния] бездержавности и знать, что у вас не одно владение, а два: одно – владение Хурасан, а другое – владение земли и неба. Его владение и ваше владение. Назавтра, в День воскрешения, всех вас вместе с ним [= с султаном] признают по посту управления. Вам скажут: «Как вы отплатили за Моё благо, ведь *сердца владык суть сокровищницы Аллаха?*» [То есть] сердца владык – это сокровищницы Всевышнего Господа. Ведь что бы Он ни сделал явленным в земном мире из милости и наказания, всё будет при посредничестве владык. Он [= владыка] скажет:

¹⁹ То же предание, правда, с шелудивым бараном, приводится ал-Газали в десятой основе второй части *Kimiya* (KS, jild 1, s. 533) и в тексте *Nasihah* (NM, s. 24).

²⁰ То же предание в более развернутом виде приводится ал-Газали в десятой основе второй части *Kimiya* (KS, jild 1, s. 533) вслед за предыдущим преданием. Оно же цитируется и в *Nasihah* (NM, s. 25).

²¹ Аллюзия на хадис.

²² В примечании у ‘Аббаса Икбала приводится разночтение: пять благ. По другому списку, «правильные вера и убеждение» (ایمان و اعتقاد درست) посчитаны как два блага, а не одно, то есть определение «правильный» отнесено только к убеждению. И в дальнейших цифрах в нём идёт смещение на единицу (три → четыре, четвёртое → пятое).

«Я вручил свою сокровищницу вам, сделав ваш язык ключом к той сокровищнице. Сохранили ли вы доверенную вам дверь сокровищницы или совершили предательство?» И кто скроет от владыки состояние хоть одного притеснённого, тот совершит предательство по отношению к сокровищнице. Все прислушайтесь к себе! Ведь эта фортуна/держава отвернётся, а стыд предательства в День воскресения останется.

Мы подошли к представлению нужд (*хаджат*). Есть две нужды: общая и частная. Общая нужда заключается в том, что люди Туса опалены, рассеяны и вырваны на корню в притеснении и своей доле. То, что было зерном, от холода и безводья погибло. То, что было вековыми деревьями, иссохло. Смиловитесь над ними, чтобы Всевышний Господь смиловился над тобой. Спины и шеи верующих от бед и тягот голода переломились. Что будет, если шеи твоих верховых животных переломятся от золотого ярма?

Что же до частной нужды, то она заключается в том, что я двенадцать лет²³ просидел в келье, отказавшись от людей. Затем Фахр ал-мулк, милость Аллаха ему, обязал меня отправиться в Нисабур. Я сказал: «Нынче мои речи не потерпят. Ведь двери и стены восстанут в месте, куда возвратится тот, кто в настоящее время скажет Слово Истины». Он сказал: «Есть один Малик, справедливый, да и я встану на твоё покровительство».

Сегодня дело дошло до того, что я слышу речи, о которых, увидь я их во сне, сказал бы, что это бред. Что же касается рационалистических знаний, то неудивительно, если у кого-то есть на них какие-то возражения, поскольку в моих речах много чудного и трудного, которое не всякий поймёт. Однако я один. Соберусь я растолковывать каждому в мире всё, о чём сказал, и не справлюсь с обязанностью. А это легко.

Что же касается рассказа о том, что я будто бы охаял имама Абу Ханифу, милость Аллаха ему, то такого я стерпеть не могу. Клянусь Аллахом, Взыскающим, Довлеющим, Постигающим, Губящим, Присноживущим, у Которого нет бога кроме Него, в том, что, по моему убеждению, имам Абу Ханифа, милость Аллаха ему, самый глубоководный ныряльщик из общины Мустафы, да благословит его Аллах, в тонкости истин фикха. Каждый, кто расскажет что-то иное о моих убеждениях или о написанном и сказанном мной, тот солжёт. Цель в том, чтобы об этих словах узнали, и цель в том, чтобы ты освободил меня от преподавания в Нисабуре и Тусе и я отправился бы в свою келью спокойствия, ведь нынче мои речи не потерпят. С миром!

[Комментарий составителя]

Когда он высказал это суждение (*фасл*), Малик ислама ответил так: «Надо было бы, чтобы здесь присутствовали все учёные Ирака и Хурасана с целью послушать твои речи и понять твои убеждения. Сейчас прошу тебя собственноручно

²³ Здесь либо описка, либо ал-Газали, как и в третьем письме, прибавил к 11 годам странствий и отшельничества полгода духовного кризиса и затворнической жизни в самом Багдаде перед тем, как оттуда уехать. В своём автобиографическом *al-Munqidh min al-dalal* («Избавитель от заблуждений») он пишет так: «Всевышний Аллах облегчил мне моё движение в Нишапур для осуществления этой задачи в месяц зу-ль-када 499 г./ в июле 1106 г. Из Багдада я выехал в месяц зу-ль-када 488 г./ в октябре 1095 г. Значит, моё отшельничество длилось одиннадцать лет» (ИЗ, с. 205).

записать высказанное суждение, чтобы нам его зачитывали и чтобы мы повсюду разослали копии с него с целью широко оповестить о твоём возвращении в мир, дабы люди узнали о наших убеждениях в отношении учёных. Но освободить тебя от преподавания невозможно, поскольку Фахр ал-мулк был нашим слугой, направляя тебя в Нишабур. Мы построим для тебя учебные заведения и поведем всем учёным раз в год приезжать к тебе и обучаться у тебя всему, что скрыто от их [понимания]. А если у кого-то есть с тобой какие-то разногласия, то пусть откажется от них и попросит тебя разрешить его затруднения».

Фасл

Когда Малик ислама попросил его собственноручно записать своё суждение, Довод ислама вернулся из ставки в город. Его вышли встречать все жители Туса. В тот день устроили большой праздник и осыпали его цветами.

Довод ислама, собственноручно записав своё рассуждение, отправил его Малику ислама. После чего Малик ислама повелел, чтобы ему зачитывали его в любое время. Затем Малик ислама отправился на охоту и послал Доводу ислама охотничий трофей в знак своего расположения к нему. В ответ Довод ислама сочинил и послал ему *Насихат ал-мулк* – книгу, изобилующую разнообразными советами и подстёгивающую к справедливости и беспристрастию. На её заднике Довод ислама собственноручно сделал приписку. В этой приписке содержалось суждение с советом Малику ислама по такому поводу:

Фасл

[Письмо 3 (приписка)]

Случилось так, что в 499 [= 1106] году пишущего эти слова, ал-Газзали, после того как он провёл двенадцать лет в отстранённости и держась кельи, обязали отправиться в Нисабур и заняться изливанием науки и распространением Закона Божьего, так как в науку проникли вялость и слабость. Тогда сердца избранных из обладателей сердец и людей внутреннего видения пришли на помощь: во снах и бдениях пошли назидания о том, что такой поступок будет починном благотворительности и приведёт к возрождению науки и Закона Божьего²⁴.

После, когда согласие было дано и в преподавании возникло оживление, а ищущие знания потянулись со всех окраин мира, в завистниках разыграла зависть. Они не нашли более приемлемого [способа] охаивания, кроме как совершить подделку (*талбис*) в книге *ал-Мункиз мин ал-далал* и в книге *Мишкат ал-анвар*: они изменили несколько фраз, внесли туда фразы неверия и отправили мне, чтобы я написал письменное разрешение на задниках книг. Пречистый и Всевышний Поклоняемый своей милостью и щедростью сподобил меня наитием изучить их и осознать их подделку.

²⁴ Почти в тех же выражениях ситуация с отъездом в Нишабур по настоянию вазира Фахр ал-мулка описана автором в *al-Munqidh min al-dalal*: «И Аллахом было предопределено, чтобы тогдашний правитель по внутреннему побуждению своему, а не под влиянием каких-либо внешних мотивов повелел мне непременно выехать в Нишапур для принятия мер против падения веры. <...> И я обратился за указаниями по этому поводу к людям сердца и созерцания, и они в один голос посоветовали мне оставить отшельническую жизнь и выйти из своего уединённого уголка. К этому прибавились многократно, один за другим виденные праведниками сны, которые свидетельствовали о том, что этот мой шаг, приуроченный Всеславным Аллахом к началу столетия, – благой и правильный почин» (ИЗ, с. 204).

Затем об этом случае стало известно главе Хурасана. Он, арестовав подложника (*музаввир*), в конце концов выслал его из Нисабура. После чего тот отправился в ставку к Малику ислама и распустил свой язык охаивания, но оказался бессилён. Тогда он взял конспект, который я сделал в детстве и на заднике которого написал *ал-Манхул мин та'лик ал-усул*. Некоторые ещё за тридцать лет до этого в силу зависти прибавили к нему ряд фраз, охаивающих имама Абу Ханифу.

Затем некоторые из людей религии высказали похвалы сему молящему, объяснив случившееся Малику ислама и преувеличив настолько, что Малик ислама сказал: «У нас имеется желание его увидеть, выслушать и его молитвой снискать благодать». Тогда мы, согласно указанию, тут же прибыли в Машхад. После чего Малик ислама послал в Машхад Верховного судью Махмуда, который, будучи избранным хазрата и государственным советником, является на самом деле, номинально и по сути, обоюдным помощником (*معين الفريقين*)²⁵, с посланием о желании встретиться. Тогда случилось отправиться в ставку Туруг к трону Малика и помолиться за него. Затем был приказ собственноручно подтвердить то, что произошло. Подтверждение тому, что произошло, сделано во исполнение приказа.

Фасл

[Комментарий составителя]

После того как Довод ислама, милость Аллаха ему, со всемерным почтением, почестями и радушием Малика возвратился в Тус, докучатели, завидев его, сконфуженные и пристыженные, отправились в ставку. Там возникла группа, которая прибыла к нему в Тус. Он находился в суфийской обители.

– К какому мазхабу ты принадлежишь? – сказали они, спросив у него.

– В рационалистических науках у меня мазхаб доказательств и того, что требует разумных аргументов. А что касается наук Закона Божьего, то у меня мазхаб Корана. Ни за одним из имамов я слепо не следую: ни Шафи'и мне не указ, ни Абу Ханифа мне не оправдание, – сказал он.

Услышав от него такие рассуждения, они не нашли возможным сказать что-либо ещё, поднялись и передали Доводу ислама несколько фраз, выписанных из его книг и вызвавших возражения. Затем Довод ислама разом написал на них ответ. Там были такие вопросы.

Вопросы:

– Что скажет Имам имамов, Довод ислама, в ответ тем, кто возражает против некоторых рассуждений, содержащихся в книгах *Мишкат* и *Кимийа*? Например, такое рассуждение: «Нет бога кроме Аллаха – это фраза единобожия обывателей. А Нет его кроме Него – это фраза единобожия избранных»; и такое рассуждение: «Истинный свет – это Бог»; и такое рассуждение: «Человеческий дух – чужак в этом мире, он происходит из Высшего мира и вожделеет тот мир». Ведь такие и им подобные изречения – это философские рассуждения. Они нуждаются в объяснении, чтобы умерить возражения докучателей и чтобы смысл этих рассуждений стал понятен.

²⁵ То есть помогает и ханафитам, и шафиитам.

**Ответ Довода ислама, милость Аллаха ему
[Письмо 4]**

Знай²⁶, задавать вопрос о чём-то трудном – значит показывать сердечный недуг и болезнь врачевателю сердец. Давать ответ означает попытку этого врачевателя исцелить больного. А невежды – больны, ведь *болезнь в их сердцах* (Коран, 2: 10; 5: 52; 8: 49; 9: 125). Учёные же – это врачеватели. Но недоучке не пристало быть врачевателем. А совершенный учёный врачует не всякое место. Он врачует лишь там, где очевидна надежда на исцеление. Однако, когда недуг стал хроническим, а больной – безумцем, профессионализм врачевателя состоит в том, чтобы сказать: «Этот больной неизлечим, а заниматься его лечением – значит лишь попусту тратить время».

Такие больные бывают четырёх видов. Из них один – излечимые больные, а три – неизлечимые.

Первый – это больной, чьи возражения исходят из зависти. А зависть – болезнь хроническая и лечения не допускает. Ведь каким бы ни был ответ на его возражение, чем красноречивее и яснее он будет, тем больше тот разозлится и тем больше его сердце восплает огнём зависти. Следовательно, не надо утруждать себя ответами ему, как сказал этот поэт:

*От всякой вражды можно избавиться,
кроме вражды того, кто враждует с тобой из-за зависти*²⁷.

Следовательно, с ним поступают так – его оставляют со своей болезнью и от него отказываются: *Откажись же от того, кто отвернулся от Нашего напоминания и не пожелал ничего, кроме мирской жизни* (Коран, 53: 29). Что бы ни сказал завистник, он лишь разожжёт костёр на своём току зерна, ведь *зависть пожирает добрые дела, как огонь пожирает дрова*. Стало быть, этот отказ ему вместо милосердия, а не вместо вражды.

Второй – это больной, чей недуг происходит от глупости и неразумности, что тоже неизлечимо. ‘Иса (Иисус), мир ему, воскресил мертвеца, но оказался не в силах излечить глупца. Таким бывает тот, кто, не потратив жизнь на рационалистические науки, потом начинает возражать тому, кто потратил на них жизнь. Этому бережливому неведомо, что возражение, которое возникнет у обывателя, вероятно, уже возникло и у учёного. Стало быть, в этих рассуждениях есть свои глубокие мысли, которые стали ведомы учёному и неведомы обывателю. Все факихи, литературоведы, толкователи Корана, хадисоведы и занимающиеся разнообразными науками – это обыватели в рационалистических науках. И таково же большинство богословов, которые, изучив что-то по верхам из богословия, не познали его глубину и не добрались до его истины. Раз возражения этих людей не стоят благосклонности, то стоит ли отвечать на возражения тех, кто никогда не погружался ни в одну науку?

²⁶ Эти рассуждения о «сердечных» больных и их четырёх видах за небольшим исключением практически дословно повторяются в соответствующей части трактата *Эй, фарзанд* при ответе ал-Газали на вопрос, поставленный в тексте: «Как же можно отказаться от Истины?» (FA, s. 106).

²⁷ Стихи имама Шафи‘и [3, s. 175].

Рассказ в Коране про Мусу (Моисея) и Хизра, мир им обоим, – напоминание об этой тонкости: если кто-нибудь из обывателей продырявит лодку сирот, то уместно ему возразить. Но когда так поступит совершенный учёный, возражать ему не следует. Ведь про необходимость оберегать имущество сирот известно всем – стало быть, известно и учёному. И раз он так поступит – значит, ему известно нечто сверх того. Тогда этот поступок, приписываемый к тому поступку, не является порицаемым, а представляет собой эзотерическое знание Всевышнего Истинного. Познать же эзотерическое знание Хазрата Божественности и Царствия небесного и земного – это не меньше, чем познать ткачество. Ведь если кто-то изучит все науки на земле и обучится всем ремёслам, но не постарается в ткачестве, то ему не пристанет возражать ткачу. Если же он приложит к тому усилия, то ему не пристанет отвергать того, кто окажется искуснее его, а наоборот, пристанет отнести всё, что покажется ему отвергаемым, к собственной ограниченности. Раз ему настолько недостаёт разума, то от него надо отказаться и не надо утруждать себя ответами ему.

Третий – это больной, который просит руководства. Всё непонятное он относит к ограниченности собственного понимания и разума. Он не возражает, а хочет узнать, спрашивая для того, чтобы этим руководствоваться. Однако он туповат. Его понимания не хватает для постижения научных истин. Поэтому тоже не надо утруждать себя ответами ему. Пророк, да благословит его Аллах и приветствует, сказал: *Нам, пророкам, было велено говорить людям по мере их разумения.*

Смысл не в том, чтобы говорить им то, что противоречит правде. Но смысл в том, чтобы говорить им то, что они смогут понять и к пониманию чего будут способны, вообще не говоря о том, к пониманию чего они неспособны, и предостерегая: мол, это не твоё дело. Ведь если им сказать, то в результате получится лишь отвержение и опровержение: *И раз они не нашли пути с ним, они скажут: «Это – давняя ложь!»* (Коран, 46: 11). *Да, они считают ложью то, знания чего не охватывают* (Коран, 10: 39) – указывает на таких людей.

Четвёртый – это больной, который просит руководства, будучи при этом образительным и быстро схватывающим, и в ком преобладает разум, то есть его не одолевают гнев, страсти, зависть, высокое положение и богатство. Это единственный излечимый больной. Для него пойдёт речь о данных вопросах, *если пожелает Всевышний Аллах.*

Следовательно, не удивляйся, если встретишь кого-то, кто не получит исцеления от этих ответов, ведь он будет из числа трёх [первых видов] людей. Большинство людей принадлежит к тем трём группам, а эти четвёртые – дороги и редки.

Первый вопрос, заданный тобою: «Какой смысл в высказывании “Нет бога, кроме Аллаха (Ла илаха илла-л-Лаху) – это фраза единобожия обывателей. А Нет его, кроме Него (Ла хува илла Хува) – это фраза единобожия избранных”»? На него возникает два возражения. Одно из них в том, что эти слова кажутся некой хулой на высказывание *Нет бога, кроме Аллаха*, указывая как-то на его ущербность. Как так может быть с тем, что служит основанием для счастья всех людей, являясь правилом и основой для всех религиозных общин? Другое возражение в том, что [фраза] *Нет его, кроме Него* кажется противоречивой,

ведь в ней исключаемое [= *Нет его*] похоже на исключение из него [= *кроме Него*]. А как может быть нечто одновременно исключаемым и исключением из него?»

Знай, что в первом возражении, когда ты предположил, будто это рассуждение демонстрирует хулу и ущербность относительно высказывания *Нет бога, кроме Аллаха*, – ты предположил ошибочно. Ведь оно передаёт лишь общий смысл, что *Нет бога, кроме Аллаха*. В этом солидарны не только несовершенный и совершенный человек, обыватель и избранный, но и иудей и христианин. Христиане, говоря о триединстве, не подразумевают под ним наличие трёх богов, а говорят, что Он – Един в Своей сути, но троичен в отношении качеств. По их словам, *Он Един по Своему существу и трижд в Своей ипостасности*. А под ипостасиями они подразумевают качества.

Что касается [выражения] *Нет его, кроме Него*, то оно полностью содержит в себе смысл *Нет бога, кроме Аллаха*. Но в нём есть нечто большее. Это большее не поймёт и не постигнет никто, кроме избранных. Оно не для разума обывателей. А вот смысл *Нет бога, кроме Аллаха* могут понять все обыватели.

Итак, раз ты узнал, что смысл этого рассуждения различается в зависимости от степеней единобожия, то знай, что у единобожия есть свои степени. У него есть внешняя сторона, которая понятна всем и похожа на своего рода оболочку. И у него есть своя истина, похожая на сердцевину. А у той сердцевины есть ещё своя сердцевина, что можно уподобить грецкому ореху, у которого есть кожура, а под той кожурой есть ещё кожура. Под ней есть ядро, а у того ядра есть ещё ядро, а именно масло.

Итак, если ты хочешь узнать об отличиях в степенях единобожия, то знай, что его **первая степень** заключается в словах *Нет бога, кроме Аллаха*, произносимых языком без убеждённости в сердце. Все лицемеры в этом солидарны. У такого единобожия есть своё достоинство, благодаря которому ими приобретётся счастье этого мира, когда их имущество и кровь станут безгрешными, а их семьи и дети окажутся защищёнными²⁸.

Вторая степень – убеждённость в смысле этого высказывания путём слепого подражания (*таклид*) без подлинного эзотерического познания. Все люди-обыватели также достигли этой степени, более того: в ней с ними солидарны иудей и христианин. Поскольку она находится ближе к установлению истины, то её результатом является спокойствие в обоих мирах, раз она подтверждается всеми пророками. Итак, такие люди будут спасены в этом мире, хотя и не достигнут совершенства счастья людей эзотерического познания.

Третья степень – когда смысл этого высказывания откроется благодаря доказательству того, кто установил истину, чтобы познать его так же, как, например, что тринадцать – это треть от тридцати девяти, что известно путём арифметического доказательства, чтобы точно так же познать и единственность Всевышнего Господа. Это похоже на то, как некто, сам не владея арифметикой, тем не менее от кого-то услышит, что тринадцать – это треть от тридцати девяти, убедится в этом и, подражая, удостоверится.

²⁸ По-видимому, речь идёт о новообращённых, которые вышли из категории зиммиев и многобожников, приняли ислам по каким-то экономическим или политическим причинам, а не в силу внутренней убеждённости и внешне соблюдают основные предписания ислама.

Эти три степени отличаются между собой: первая – тот, кто говорит; вторая – тот, кто убеждается; третья – тот, кто познаёт. Из этих трёх ни один не переживает. Обладатели экстатических состояний – это одни люди, обладатели познаний и слов – другие.

Четвёртая степень – когда, обладая знанием, [человек] одновременно испытывает переживание, когда у него нет иного объекта поклонения, кроме Единственного. Над кем довлеет какая-либо страсть, для того объектом поклонения является его страсть, как Он сказал: *Разве ты не видел того, кто взял своим богом страсть?* (Коран, 45: 23). Рабом становятся всему, чему поклоняются и к чему привязываются. Поэтому и говорят, что такой-то – раб осла, а такой-то – раб утробы. Посланник, да благословит его Аллах и приветствует, сказал: *Жалок раб дирхамов и жалок раб динаров*. Он назвал рабами всех, кто привязан к тому, чего взыскует.

Итак, кому подвластны страсти и плотские желания и кто подчиняется и повинуется Истинному, у того высказывание *Нет бога, кроме Аллаха* правдиво и у того [эта формула] единобожия содержит и переживание и отречение. В противном случае он лишён того, что заложено в этом высказывании. Ему остаётся [лишь] произносить языком и помышлять в душе. Хотя это высказывание и правдиво, он в этом высказывании лжец. Пророк, благословение и мир ему, сказал: [Слова] *Ла илаха илла-л-Лаху не перестанут защищать людей от мучений Аллаха, пока их сделки с этим миром не станут влиять на их сделки с религией. Когда они станут влиять, а после те скажут Ла илаха илла-л-Лаху, Всевышний Аллах скажет: «Вы лжёте! Вы в них неправдивы»*.

Итак, даже если такой человек произносит это высказывание, зная его смысл, но раз обращённость его сердца направлена к этому миру, сану и плотским желаниям, а все его состояния не соизмеряются с повелением Всевышнего Господа, то он в этом высказывании лжец. Его ложь начнётся даже с того, когда он, стоя в намазе, произнесёт *Превелик Аллах!*²⁹. Ему скажут: «Не лги! Ведь если бы Великий и Славный Господь был возвышен в твоём сердце, то ты искал бы, как повиноваться Ему, а не этому миру и плотским желаниям». И когда он произнесёт *Я обратился лицом к Тому, кто сотворил небеса и землю* (Коран, 6: 79)³⁰, ему скажут: «Не лги! Ведь если под этим ты подразумеваешь внешнюю обращённость, то ты не обратился к Нему, поскольку Его нет ни с этого направления, ни в этом направлении, Его вообще нет ни в каком направлении. А если ты подразумеваешь обращённость сердца, то обращённость твоего сердца целиком направлена к этому миру, сану, имуществу и плотским желаниям. Зачем ты лжёшь Тому, кто знает о тебе сокровенное, зная, к какой стороне принадлежит обращённость твоего сердца?» И когда он произнесёт *Тебе мы поклоняемся* (Коран, 1: 5), то его так же опровергнут, сказав: *Ты – раб дирхамов и динаров, раб сана и почтения, и им ты поклоняешься*. Ведь поклонение – это не когда ты произнесёшь языком, а когда объектом твоего поклонения является то, к чему ты привязан.

Итак, этот человек принадлежит к людям, исповедующим *Нет бога, кроме Аллаха*. Однако с таким состоянием и степенью он никогда и нигде не будет

²⁹ Такбир: *Аллаху акбар!*

³⁰ Чтение этого айата входит в намаз.

равен тому, кто взнуздал уздой благочестия все свои плотские желания, делая всё только лишь согласно Повелению.

Знай, что единобожие и познание подобны слабительному, которое предназначено очищать внутренности от [четырёх] смесей³¹ и болезней. Когда он съест слабительное, но не станет действовать, тогда от слабительного не только не получится исцеления и выздоровления, но и будет смертельный риск. Если слабительное единобожия, низойдя в сердце, не сломит преобладания страсти и плотского желания и не сделает твоим пленником повелевавшее тобою плотское желание, то оно будет слабительным, которое недействительно. Как такой человек сравнится с тем, кого единобожие вызволило из всех пут, сделав его человеком одного качества, одного рвения и одного объекта поклонения? Оба они принадлежат к людям, исповедующим *Нет бога, кроме Аллаха*. Однако дистанция между ними такая, как дистанция между землёй и небом.

Пятая степень – когда [действие] слабительного единобожия внутри него не ограничится тем, что оно возобладает над плотским желанием и подчинит страсть, но оно полностью удалит страсть и плотское желание так, что он ни в чём не последует за плотским желанием – ни по Закону Божьему, ни против Закона Божьего, а станет всецело одним устремлением и одним рвением: *он будет возбуждаться только Аллахом, он будет успокаиваться только Аллахом, он будет безмолвствовать только Аллахом, он будет говорить только Аллахом*.

Если такой человек станет есть хлеб, то он не будет его есть ради того, чтобы получить от еды удовольствие, но он будет есть по необходимости и по мере необходимости, чтобы получить силу для повиновения и поклонения. Если он отправится справить нужду, то он отправится освободиться ради поклонения, чтобы изъять из себя помеху. И он не будет проводить разницы между доставкой пищи в желудок и выводом её из желудка, но и то и другое он сделает необходимостью освобождения и обретения силы для поклонения. Если он заснёт, то не ради успокоения, но ради обновления сил для поклонения. Если он заключит брак, то сделает это не ради плотского желания, а ради традиции и преумножения религиозной общины, чтобы ею гордился [Мухаммад] Мустафа, да благословит его Аллах и приветствует. Все его состояния будут такими же. Если он станет говорить, слушать и брать, то всё это будет ради Всевышнего Истинного.

Такая степень во многом отличается от четвёртой степени. Ведь единобожие не вызволило того человека из хватки плотского желания. Однако оно вызволило его из хватки того плотского желания, которое противоречит Закону Божьему. А вот этого человека оно вызволило из хватки плотских желаний абсолютно.

³¹ *Ахлат* (اخلاط) – букв. «красисы/кразисы» (от греч. κρῖσις «смесь, смешение»), иногда именуемые гуморами (от лат. humor «влага, жидкость»). Согласно древнегреческой, а затем и средневековой мусульманской медицине, таких красисов-смесей четыре: жёлчь, флегма, кровь и чёрная жёлчь. Преобладание в организме одной из этих смесей отражает один из четырёх темпераментов в характере человека: если преобладает жёлчь (الصفراء) – холерический (от греч. χολή «жёлчь», место выделения – жёлчный пузырь) темперамент, если флегма (البليغم) – флегматический (от греч. φλέγμα «слизь/мокрота»), если кровь (الدم) – сангвинический (от лат. sanguis «кровь»), если чёрная жёлчь (السوداء) – меланхолический (от греч. μελαγχολία «чёрная жёлчь», место выделения – селезёнка).

Шестая степень – когда единобожие полностью вызволит его из его собственной хватки, вызволив из всего, что есть в этом мире, и вызволив его даже из хватки потустороннего мира так же, как и из хватки этого. А перед его рвением, взором и восприятием не останется ни его самого, ни того, что есть в этом мире. Кроме Всевышнего Истинного, не останется ни этого мира, ни потустороннего. Он же, забыв самого себя, забудет всё, кроме Истинного. Он скроется от всего, и всё скроется от него. Не останется ни его, ни этого мира. Останется только Истинный. Его состоянием будет *Скажи “Аллах!” Потом оставь их* (Коран, 6: 91). Его настоящим станет *Всякая вещь погибнет, кроме Лица Его* (Коран, 28: 88).

Люди внутреннего видения называют такое состояние *избытием в единобожии* (*ал-фана’ фи-л-таухид*), поскольку он избывается от всего, кроме Истинного. И его собственное избытие тоже избывается от избытия в том смысле, что если он обратит внимание на своё избытие, то, обратив на него внимание, он отвлечётся от Истинного. Кто не в силах понять и постичь смысл этого, тот предположит, что это бесполезный вздор. А совершенство единобожия на самом деле состоит в этом и в том, что Он сказал: *«Не перестанет раб приближаться ко Мне благодаря сверхобязательным (молитвам), пока Я его не возлюблю. Возлюбив его, Я стану его слухом, благодаря которому он будет слышать, его зрением, благодаря которому он будет видеть, и его языком, благодаря которому он будет говорить»*.

Итак, обладатель пятой степени пребывает с собою, сам говорит, сам слышит и сам видит, но делает это ради Истинного, а не ради себя. Этот же человек не пребывает с собою, не сам видит, не сам слышит и не сам говорит, но говорит Ему, слышит от Него и видит Его во всём, что видит. Тот человек видит всё, но Бога он видит вместе с этим, говоря: *«Я не вижу ничего, вместе с чем не видел бы Аллаха»*³². Этот человек на самом деле не видит ничего, кроме Аллаха, говоря: *«Я не вижу ничего, кроме Аллаха, и нет в этом существовании ничего иного, кроме Аллаха»*. Тот человек скажет: *«Нет объекта поклонения, кроме Бога»*. А этот человек скажет: *«Нет существа, кроме Бога»*. Итак, единобожие того человека, который отрицает иной объект поклонения, кроме Него, – это часть единобожия этого человека, который отрицает иное сущее, кроме Него. В отрицании иного сущего содержится отрицание объекта поклонения и есть ещё кое-что.

Итак, если им пройдены все степени единобожия и к тому же обретено единобожие того человека, который отрицает иной объект поклонения, кроме Него, то его единобожие наряду со всеми другими пройденными [степенями] единобожия становится в итоге единобожием этого человека. Поэтому тот человек превратится в обывателя по отношению к этому избранному из избранных (*хасс ал-хасс*) точно так же, как обладатели тех других степеней были обывателями по отношению к тому человеку. Совершенство степени единобожия – это шестая степень.

³² Это высказывание в различных версиях приписывают и ‘Али, и имаму Джа‘фару ал-Садику, и Мухаммаду б. Васи‘, и (реже) Пророку.

У обладателей такого статуса это состояние в большинстве случаев проявляется как некое опьянение (*сукр*). В таком опьянении они совершают две ошибки. Одни полагают, будто бы достигают некоего присоединения (*итти-сал*), объясняя его [Божьим] вселением (*хулул*). Другие полагают, будто бы достигают некоего единения (*иттихад*), когда изменяются они сами, вдвоём [с Богом] становясь единым целым. Кто знает о том, что единение невозможно, полагает, будто бы достигает присоединения. Именно поэтому тот, кто вообразит единение, скажет *Я есмь Истинный и Пречист я*³³. А когда его опьянение сменится отрезвлением (*сахв*), он поймёт, что вселение – это преходящее явление для какой-то субстанции или какого-то тела при нахождении внутри полого тела. И то и другое для Всевышнего Истинного невозможно.

Единение же двух вещей невозможно само по себе, пусть даже обе будут вновь возникшими (*мухдас*), так как при единении не избежать трёх состояний: либо обе существуют – следовательно, они не стали единым целым, так как есть обе; либо обе не существуют – следовательно, нет обеих, следовательно, они не стали единым целым; либо одна из них существует, а другая не существует, что тоже не является единением.

Следовательно, совершенство единобожия – это когда нет существующего, кроме Одного. Хотя верно также и то, что нет поклоняемого, кроме Одного. Однако первое включает в себя второе и даже больше. Но это невозможно и неразумно. Ведь небеса, земля, ангелы, планеты и демоны – все они существуют. Тогда какой же смысл в том, что нет существующего, кроме Всевышнего Бога?

Послушай на это ответ и знай: если в праздничный день некий владыка отправится в степь со своей свитой, раздав всем таких же лошадей и такое же убранство, как у него самого, если кто-нибудь затем, всё это увидев, скажет «Да они в богатстве все равны друг другу» или «Они все богаты», то он будет правдив в своих словах. Несведущему в том, что за этим скрывается, такое покажется правдой. А сведущий в том, что за этим скрывается – что эти качества и блага дали им займы и что после совершения праздничного намаза всё это у них заберут, – скажет: «Нет [среди них] богатого, кроме владыки». Правда на самом деле будет в том, что скажет он. Ведь заём – это мнимое дополнение к заёмщику. На самом деле заёмщиком окажется тот самый дарвиш, который не отделил всё состояние и богатство, взятое займы, от заимодавца.

Знай, что существование – это заём для каждой вещи. Оно не возникает из её сути, но возникает из Истинного Всевышнего. А существование Всевышнего Истинного, будучи присущим Ему, не возникло ниоткуда, но оно – Его истинное бытие. Бытие всего остального – это видимость бытия для того, кто не знает, что оно заимствовано. Следовательно, кто познал, что *Всякая вещь погибнет, кроме Лица Его* (Коран, 28: 88), для того очевидно, что [понятия] *извечно* и *навечно* не свойственны какому-то определённом времени, но каждая вещь в любое время является по своей сути несуществующей, поскольку её небытие и бытие не возникают из её собственной сути, а возникают из Сути Истинного. Следовательно, такое существование является мнимым, а не истинным. Следовательно, правильно

³³ Высказывания ал-Халладжа (أَنَا الْحَقُّ) и Абу Йазида ал-Бистами (إِنِّي مَا أَكْثَمُ شَأْنِي سُبْحِ) соответственно.

говорить о том, что нет ничего существующего, кроме Него. Следовательно, верно то, что *Нет его, кроме Него (Ла хува илла Хува)*. Ведь [в первом случае] *хува* указывает на существующее, которое кроме Него существующим не является. [Во втором случае понимать] *Хува* иначе, кроме как по отношению к Нему, – неправильно, и указание на что-либо иное, кроме как на Него, – неверно. Вот в чём смысл фразы *Ла хува илла Хува*. Если кто-то её не поймёт, его можно простить, ведь она не по мерке понимания каждого.

Ещё ты спросил: «Какой смысл в рассуждении “*Аллах, Он – Свет*”, ведь свет бывает, когда у него есть излучение и свечение?»

Знай, что смысл его в той книге [= *Мишкат ал-анвар*] раскрыт, так что каждый, поразмышляв, его поймёт и для него он станет явным. Если бы не было иного света, кроме чувственно осязаемого, у которого есть излучение, то Всевышний Бог не назвал бы светом Коран и Посланника, а [слова] *Мы ниспослали вам ясный свет* (Коран, 4: 174) не имели бы никакого смысла, и Он не сказал бы *Аллах есть Свет небес и земли* (Коран, 24: 35).

Следовательно, знай, что свет состоит из чего-то такого, что можно увидеть и благодаря чему можно также увидеть всё прочее. Так определяется внешний взор, который именуют зрением. У сердца же есть свой взор. У этого взора есть свет, который определяется им так же, как зримый свет определяется внешним взором. Именно поэтому разум именуют светом, Коран именуют светом, Посланника, благословение и мир ему, именуют светом точно так же, как именуют светом и силу зрения. Разум именуют светом ещё и потому, что его можно увидеть взором сердца, и благодаря ему можно увидеть ещё нечто иное. К тому же он видит себя. Стало быть, ему именоваться светом более пристало, нежели свету внешнего взора, когда светом именуют силу зрения, которое само видит, а себя тем не менее не видит. Разум же видит себя и видит нечто ещё.

Следовательно, излучение и свечение внешнего взора – это одно, а свечение внутреннего взора – это другое. Коран – это свет, и Посланник, благословение и мир ему, – это свет, определяемый внутренним взором. Стало быть, раз допускается именовать светом разум, потому что он приводит к видению чего-то иного, то разум и видение [в свою очередь] происходят от Него, а [Ему] явны все внутренние взоры, и любое проявление, свет и видение, существующие в мире, происходят от Него, значит, так Его именовать вернее. Раз смысл правильный, а слово приведено в Книге и традиции, то в чём помеха? Это уже объяснялось в книге *Мишкат* полнее, чем здесь.

Если возражение относится к слову, то это слово есть в Коране – *Аллах есть Свет небес и земли* (Коран, 24: 35) – и в предании, когда Посланника, благословение и мир ему, спросили о Ночи вознесения:

– Видел ли ты Истинного?

– Я видел Его Светом, – сказал он.

Если же возражение относится к смыслу, то разъяснение этому уже дано. В нём нет никакого сомнения. Следовательно, возражение происходит от невежества.

Ещё ты спросил: «В чём смысл рассуждения о том, что человеческий дух – чужак в этом мире и что он вождедеет Высшего мира, ведь это философское и христианское рассуждение?»

Знай, что *Нет бога кроме Аллаха, а 'Иса (Иисус) – Дух Аллаха* – тоже христианское рассуждение. Однако оно истинно. А истинное рассуждение не станет ложным, несмотря на то что его выскажет лжеверующий. Предел невежества – предполагать, что у того, кто раз высказал какую-то ложь, всё, что он скажет потом, опять будет ложью. Если так будет, то тогда неверные и нововведенцы могут исповедаться во всём, что истинно, за исключением лишь того, за что их считают неверными и нововведенцами, и все их истины станут ложными. Однако разумные люди поступают так, как сказал Повелитель верующих 'Али б. Аби Талиб, да возвеличит его Аллах: *Не познавай Истинного по учёным мужам, а познай Истинного, чтобы познать Его людей.*

Итак, на рассуждение о том, что человеческий дух – здесь чужак, что он по происхождению – из рая, что дело его – сопровождать Высший сонм [= ангелов], а его покойное место и вотчина – тот мир, именуемый раем и Высшим миром, указывают весь Коран и все Писания. Несмотря на то что это подтвердят какие-нибудь философы или христиане, оно не станет ложным и будет очевидным, исходя из аятов и преданий.

Если же исходить из внутреннего видения, то каждый познавший Истину человеческого духа узнал, что его особым свойством является эзотерическое познание Божьего присутствия. Оно – его Бог. А всё, что в его сути составляет особые свойства этого мира, является чуждым и привнесённым, чему допустимо исчезнуть. При этом в нём не останется ничего, кроме эзотерического познания Господнего присутствия, благодаря чему он станет ожившим, неизбывным и блаженствующим. Об истинности этого уже обстоятельно говорилось в книгах *Ихйа'*, *Кимийа*, *Джавахири ал-Кур'ан* и прочих. Кто захочет узнать, пусть поразмышляет над ними. А кто взглянет на них глазами упрямства и придиричivosti – раз уж эти книги его не исцелят, то данное краткое изложение не излечит и подавно. Он никогда не прикусит свой язык зависти и упрямства. Абсолютно бессмысленно с ним связываться. Если же кто-то в поиске истины этого знания не получит его из книг и не будет обладать независимым пониманием, то к нему надо прийти и ему надо прочесть: *Воистину, знание – это то, что приобретается из уст учёных мужей.*

Ни в одной из своих книг я не привёл ни единого рассуждения, которое не смогу подтвердить категоричным доводом каждому, у кого есть понимание и кто лишён болезни упрямства и зависти, но не тому, относительно кого снизошёл этот аят: *Мы ведь положили на сердца их покровы, чтобы они не поняли его, а в уши их – глухоту. И если ты их призовёшь к Прямому пути, то и тогда они никогда не найдут дороги* (Коран, 18: 57).

Что касается его просьбы растолковать все труднопонимаемые смыслы в такого рода рассуждениях с целью снять затруднения, то знай, что ни в одной [моей] книге нет рассуждения, которое не сопровождалось бы объяснением для того, кто понимает. А у того, кто не поймёт, нет иного способа, кроме как найти, обучиться и услышать в устной беседе. Возражения невежды не ограничатся тем, что на них можно будет ответить с места, откуда они возникнут. Ведь у невежества и болезни сердца есть различные причины, и они не поддаются ограничению. Не надо с этим связываться. Ведь если ты сможешь уберечься хотя бы от одного рассуждения на возражения, считай, что ты убережёшь Коран. Раз уж

невежды не прекратили свои возражения к Корану, пока в сердцах мирян не осталась сотня тысяч неизлечимых затруднений, то нелепо стремиться к этому в прочих рассуждениях.

Стихи:

*У кого во рту болезненная горечь,
тот найдёт горькой ключевую воду*³⁴.

Summary

A.A. Khismatulin. The Mirror for Princes Writings by al-Ghazali. II. The Four Letters by Imam.

The paper is aimed to reflect modern ideas about the medieval Persian-language epistles (*risala*) composed by Imam al-Ghazali (d. 505/1111) in the genre of the mirrors for princes. The paper consists of two parts. This one presents the Russian translation of the first four letters from al-Ghazali's epistolary collection (together with the commentary of its medieval compiler). These letters have a direct relation to the creation of *Nasihāt al-muluk* and give a general idea about the historical context. They also provide additional arguments (historical and stylistic) against the opinion that *Nasihāt al-Muluk* has a two-part structure.

Keywords: *Nasihāt al-Muluk*, *Siyar al-Muluk*, *Siyasat-nama*, al-Ghazali, Nizam al-Mulk, Sanjar, Ismailis, Seljuqs.

Источники

- FA – *Al-Ghazzali A.H. Makatib-i farsi-yi Ghazzali ba nam-i Fada'il al-anam min rasa'il Hujjat al-Islam. Gardawaranda-yi yaki az mansuban-i wai / Ba tashih wa ihtimam-i 'A.I. Ashtiyani. – Tehran: Kitabkhana-yi Sana'yi wa kitabkhana-yi Tahuri, 1363/1984. – 120 s.*
- KS – *Al-Ghazzali A.H. Kimiya-yi Sa'adat / Ba tashih-i H. Khadiwjam. – Tehran: Shirkat-i intisharat-i 'ilmi wa farhangi, 1375/1996. – Jild 1. – 556 s. – Jild 2. – 738 s.*
- IU – *Al-Ghazzali A.H. Ihya' 'ulum al-din. – Al-Qahira: al-Azhar, 1302/1885. – Rub' 2. – 325 s. – Rub' 3. – 368 s.*
- NM – *Al-Ghazzali A.H. Nasihat al-muluk / Ba tashih-i J. al-din Huma'i. – Tehran: Intisharat-i Babak, 1361/1982. – 529 s.*
- D – *Durj 3 (Шкатулка-3). – CD, версия 3. – Tehran: Mihrarqam-i rayani, 1385/2006.*
- Коран – Коран / Пер. и коммент. И.Ю. Крачковского. – М.: Изд-во вост. лит., 1963. – 714 с.
- ИЗ – *Газали А.Х. Книга, избавляющая от заблуждений / Пер. с араб. А. Сагадеева // Весы деяний и другие сочинения. – М.: Ансар, 2004. – С. 157–211.*

Литература

1. *Ashtiyani 'A.I. Muqaddima-yi nashir // Al-Ghazzali A.H. Makatib-i farsi-yi Ghazzali ba nam-i Fada'il al-anam min rasa'il Hujjat al-Islam. Gardawaranda-yi yaki az mansuban-i wai. – Tehran: Kitabkhana-yi Sana'yi wa kitabkhana-yi Tahuri, 1363/1984. – S. 1–6.*
2. *Khismatulin A. To Forge A Book in the Medieval Ages: Nezām al-Molk's Siyar al-molūk (Siyāsāt-nāma) // J. Persianate Stud. – 2008. – V. 1. – P. 30–66.*

³⁴ Стихи ал-Мутанабби, ставшие в арабском языке расхожим выражением, популярным до сих пор. Соответствует русскому «Больному и мёд горько», «Больному и киселя в рот не вотрёшь». Ал-Мутанабби (букв. «Выдающий себя за пророка») Ахмад б. ал-Хусайн (915–965) – один из самых известных и талантливых арабских поэтов, начавший писать стихи в возрасте девяти лет и ставший наиболее востребованным придворным поэтом.

3. *Umidi J. Nigahi ba mazamin wa mawzu'at-i diwan-i Shafi'i* (Взгляд на содержание и тематику *Дивана Шафи'и*) // *Maqalat wa barrasiha*. – 1379/2000. – Shumara 68. – S. 171–198.

Поступила в редакцию
08.02.13

Хисматулин Алексей Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела Ближнего и Среднего Востока, Институт восточных рукописей РАН, г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: khism@mail.ru